

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ — ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОЕННОГО БЫТА РУССКОЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Тяготы солдатской жизни, условия службы и быта солдата русской армии в XVIII—первой половине XIX в. недостаточно еще изучены в нашей военной историографии. Дореволюционные военные историки больше интересовались вопросами стратегии и тактики, историей военного искусства, чем условиями, в которых приходилось жить и служить солдату. Если же и появлялись работы, которые пытались проанализировать положение русского солдата в армии, сравнить условия военной службы в России с положением военнослужащего за границей, то они выходили в специальных изданиях ограниченным тиражом и нередко имели предостерегающий гриф на титульном листе: «В частную продажу нижним чинам не назначается»¹.

Специальных исследований обобщающего характера по этому вопросу нет, и до сих пор письменные источники не собраны и не изучены. Фольклорные же источники по данной теме вообще остались вне поля зрения военных историков. А между тем этот тип исторических источников может дать историкам дополнительный материал, ибо солдатские песни, сказки, поговорки и пословицы отразили в художественной, образной форме отношение трудового народа к военной службе, к воинской повинности.

Дореволюционные авторы, писавшие о солдатской службе, использовали фольклор, созданный в определенных социальных кругах. Под видом истинно народного творчества они помещали его в свои книги и пытались на этих произведениях формировать мировоззрение русского солдата. Возьмем в качестве образца учебной литературы для военнослужащих одну из книг для солдатского чтения. Какие произведения фольклора мы найдем в ней? Пословицы: «За богом молитва, а за царем служба не пропадают», «Кого милует бог, того жалует и царь», «Царя не всяк видит, да всяк за

него молит», «Чин чина почитай, а меньшей садись на край» и т. д.² Берем книжечку карманного формата, вышедшую в серии «Походная библиотека» (издатель — Я. У. Шишко). Какие же народные песни рекомендовалось петь солдатам в походе? «Пойдем вперед, ребята, помощник с нами бог, собьем мы супостата, в сердцах у нас залог»³. Право, не знаешь, чему более удивляться, читая эти строки: безграмотности составителя или беспардонности фальсификаторов, выдававших под видом народного творчества вот такие, например, «солдатские песни»:

Мы не знали и боялись,	Царь нас кормит, одевает,
Как пришлось мундир	Честно лишь ему служи,
носить,	Он за храбрость украшает
Но с привычкой	Крестом славным на груди ^{3а}
спознались —	
Право, не о чем тужить.	

Примерно такой же подбор солдатских песен имеют и другие многочисленные сборники подобного рода, где наряду с подлинными народными песнями, выдержавшими испытание временем и воспевавшими солдатскую доблесть, любовь к отчизне, героизму в бою («Было дело под Полтавой», «Солдатушки, бравы ребятушки» и др.), соседствуют урапатриотические ремесленные поделки⁴. В тех случаях, когда авторы не могли обойти подлинного народного творчества, они пытались дать ему такое толкование, которое сводило на нет социальное его звучание⁵.

² А. Иванов, А. Яновский. Учебная книга для чтения военным кантонистам. СПб., 1850, стр. 12, 15.

³ «12 солдатских песен». СПб., 1898, стр. 4.

^{3а} Ф. Кательников (рядовой 4-го полкового парка). Солдатская песня. Сборник солдатских сочинений. Книжка шестая. Издание редакции журнала «Чтение для солдат». СПб., 1863, стр. 59.

⁴ См., например, Г. М. Попов. Сборник боевых, бытовых и плясовых солдатских песен в двух частях. Харьков, 1888; В. Н. Гартельд. 1812-й год в песнях. Собрание 33 русских и французских песен эпохи нашествия Наполеона I в Россию в 1812 г. М., 1912. Научный уровень последнего сборника характеризуется, например, тем, что стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино» (действительно ставшее народной песней) автор приписал М. И. Кутузову (там же, стр. 16).

⁵ Приведа в предисловии к своей книге пословицу «Кто в солдатах не бывал, тот и горя не видал», П. Кочергин делает к ней примечание: «Ныне эта поговорка относится только к людям бедным, поступившим в ряды войска» (П. Кочергин. Указ. соч., стр. 3).

¹ П. Кочергин. Нужды русского солдата. Саратов, 1905.

Часто солдат, возвращаясь домой, не застал уже в живых своих родителей. Глубокой скорбью звучат слова народной песни:

Пойду, выйду на могилу, Ты вставай, родная мать,
Разбужу родную мать. Со мной горе горевать...¹⁴

Солдатчина вызывала в народе глухой неосознанный протест. Не видя путей, которые вели бы к избавлению от нее, новобранцы нередко прибегали к членовредительству, лишь бы избавиться от суровой солдатской доли:

Пальцы рубят, зубы рвут,
В службу царскую нейдут¹⁵ —

лишь бы не стоять, как образно говорит народная пословица, «Руки по швам, голову в карман»¹⁶, ибо «Солдат — отрезанный ломоть», «Солдат домой пишет — поминать велит», «Хорошо, сказывают, в солдатах, да что-то мало охотников»¹⁷. Да и как их найти, если

... победные головушки солдатские,
Они на бой и на приступ — люди первые;
А к жалованью — люди последние¹⁸.

Тяжела солдатская жизнь. «Хлеб, соль да вода — солдатская еда», «Солдат сыт крупницей, пьян водицей», «Съешь полбеды да напейся воды», «Солдат шилом бреется, дымом греется» — вот что встречается солдата в казарме, не говоря уже о постоянных побоях, пинках, зуботычинах, розгах. Боль, обида, горечь, негодование народа донесли до наших дней пословицы о царской службе: «Солдата за все бьют: не дошагнет — бьют, перешагнет — бьют», «не довернешься — бьют, и перевернешься — бьют», «бьют и плакать не дают»¹⁹.

¹⁴ Н. Арлащенко. О царской солдатчине и почетной службе в Красной Армии (Из фольклорных материалов). — Газета «Пролетарий» (Мытищи), 1940, № 220, стр. 3.

¹⁵ В. Сидельников. Царская армия в устной поэзии. — Газета «Красный воин», 1935, № 280.

¹⁶ Н. Арлащенко. Указ. статья, стр. 3.

¹⁷ «Жить — Родине служить», стр. 58, 59.

¹⁸ С. Лазутин. Русские песни. Воронеж, 1955, стр. 112.

¹⁹ «Жить — Родине служить», стр. 58—59.

В условиях царской цензуры подобные песни и послоницы не могли стать достоянием широкой читательской публики; в лучшем случае они помещались в специальных фольклорных изданиях, доступных лишь ограниченному кругу ценителей народного творчества. Известно лишь одно издание солдатских песен XVIII—первой половины XIX в., предназначенное для распространения среди народа. Это «Солдатские песни», изданные в Лондоне Вольной русской типографией А. И. Герцена в 1862 г. В этом издании мы находим и народные песни, записанные в нескольких вариантах, что свидетельствует об активном их бытовании²⁰.

Опубликованные без цензуры песни донесли до нас дыхание реальной, действительной жизни, царской службы без прикрас; авторы (или исполнители) этих песен писали то, что думали:

Русскому солдату	Школу проходя,
Тяжело служить:	Много всякой муки
Палочной науки	Примешь на себя ²¹ .

Сравнивая эти сочинения с подлинными фольклорными записями, порой затрудняешься сказать, что это такое — авторское творчество или запись народной песни; однако нельзя не заметить, что тематика этих произведений имеет много общего с фольклором. Здесь есть и тема продолжительной службы:

Горек черствый хлеб солдата,	Да и скорого возврата
Хоть труды и тяжелы,	Нет из царской кабалы ²² .

Но в то же время встречается сопоставление службы в России со службой в других странах, чего нет в фольклоре:

Нет нигде по свету	Как в России нашей
Тяжелей неволи,	Злой солдатской доли ²³ .

Совершенно особое место занимает описание солдатской службы в русских плачах. Свообразие этих впечатляющих картин страданий и мучений солдата заключается прежде

²⁰ «Солдатские песни». Лондон, 1862, стр. 5—7.

²¹ Там же, стр. 8.

²² Там же, стр. 17.

²³ Там же, стр. 21.

всего в том, что слагаются и исполняются они не самими солдатами, а их матерями, женами, сестрами, соседками. «Женщина-поэт — явление редкое в нашем отечестве», — с горечью писал декабрист Кюхельбекер, имея в виду дворянскую литературу начала XIX в.²⁴ Не то в народном творчестве, где женщине, безусловно, принадлежит ведущее место. Это особенно относится к плачам, в которых солдатская служба изображается сквозь призму женского мироощущения. Зоркие глаза матери острее видят все невзгоды, которые переносит на «злодейной службе государевой» ее родной сын; тоскующие очи жены зорче воспринимают те обиды, которые терпит ее муж на «горе-службе государевой» от тупых и жестоких офицеров, у которых

И нету душеньки у их да во белых грудях,
И нету совести у них да во ясных очах,
И нет ума-то у них да в буйной голове...²⁵

Завоенный плач — это не солдатская песня, но он необыкновенно выпукло и ярко свидетельствует о том, что тема солдатской службы вырвалась из локальных рамок узкосолдатской песни, она стала достоянием всего фольклора. «Грозна служба государева» в завоенном плаче описывается теми же образами, теми же красками, что и в солдатской песне:

И на ученьице, родитель, на мученьице,
И уже бьют да нас, победных, без повинности,
И до ран да бьют, родитель, до кровавых,
И до умертвия победных бьют головушек,
И скроче строй гонят, несчастных нас, солдатушков²⁶.

Тяжелая служба в зной и холод, бессмысленная муштра, соединяемая с требованием внешнего лоска, побои, жизнь впроголодь, бесправие — вот солдатская нелегкая жизнь.

Завоенный плач — творчество индивидуальное; плачи не распеваются всем народом, как песни лирические или ча-стушки; их исполняют мастера народного творчества, во-

²⁴ В. К. Кюхельбекер. Взгляд на текущую словесность. — «Невский зритель», 1820, ч. 1, № 3, стр. 78.

²⁵ Е. В. Барсов. Причитанья Северного края, ч. II. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. М., 1882, стр. 226.

²⁶ Там же, стр. 220.

пленницы. Но их индивидуальное творчество питается животворными соками всего фольклора; оно тесно связано с ним и системой образного мышления, и тематикой, и социальным, идейным осмыслением описываемого в плаче события. Творчество И. А. Федосовой в высшей степени показательным именно в этом плане. Она сама говорит, что «не была во службе государевой и не ходила по походам... солдатским»²⁷, но в ее плачах нашли свое отражение все основные этапы солдатской службы, начиная от бритья головы новобранцам и кончая походами и «сраженьицами», на которые гонит солдат своекорыстное и безжалостное начальство. Не «отцы-командиры», а «злодеи супостатные», «вертуны тонконогие» — вот кто измывается над русским солдатом.

И хотя причитания Федосовой — ее личное, индивидуальное творчество, тем не менее мы вправе видеть в нем отражение тех же процессов, которые характерны для фольклора в целом. Народная поэтесса XIX в., безграмотная крестьянка была одним из творцов и носителей культуры, созданной всем русским народом. Ее завоенные плачи — свидетельство широкой популярности темы солдатской службы в фольклоре.

До нас дошли и многие образцы солдатского творчества, которые также представляют собой творчество авторское, индивидуальное, выросшее из устной фольклорной традиции. Эти произведения дошли до нас от XVIII в. в рукописном виде, причем некоторые в нескольких списках, что свидетельствует об интересе, пробуждаемом ими у русских книжников конца XVIII — начала XIX в. Солдатские стихи XVIII в. описывают тяжелую службу русских воинов в Крыму, лихоимство и самоуправство офицеров и в этом отношении являются поэтическим откликом на давнюю солдатскую поговорку: «Солдатскими мозолями офицеры сыто живут»²⁸. Показательно стихотворение «Солдатская жизнь», сочиненная в большом городе в каменных палатах почтенным человеком, которого бьет всяк, мая 1-го 1803-го; его автором является «Измайловского полку гренадер Иван Макаров», выходец из Московской духовной академии, который

²⁷ Там же, стр. 37.

²⁸ Л. Войтоловский. Солдатские песни и сказки. — «Красная новь», 1923, № 5, стр. 130.

за свое сочинение был прогнан сквозь строй и выписан в армейский полк²⁹. Отдельные строфы из этой «оды», как называл свое произведение Макаров, часто как бы перекликаются с солдатскими пословицами:

Солдатская жизнь	Народные пословицы
О солдат! Ты	Солдат-горемыка хуже лапотного
горемыка	лыка.
Хуже лапотного лыка.	
Твоей жизни хуже	
нет,	
Про те знает и весь	
свет.	
Тебя дуют, тебя бьют,	В спину бьют — как полосу куют.
То, как полосу, куют. . .	
В карауле нам мученье,	
А как сменишься —	
ученье!	
В карауле жмут	На ученье идешь — жмут
подтяжки	подтяжки.
На ученье жду	Домой пришел — дождайся
растяжки ³⁰ .	растяжки ³¹ .

Немногими дошедшими до наших дней образцами солдатского творчества, несомненно, не исчерпываются все произведения солдат с описанием их службы. Авторы подобных стихотворений прекрасно понимали, что их ждет, если начальство дознается об этом. Именно поэтому они подписывали стихи: «Холодного месяца, морозного числа, неурожая в Крыму денег года» — или: «Писал сие сказание по общему приказанию. Объявить прозвище боюсь и, как меня зовут, не скажусь; плачевного года, темного месяца ноября шестого на девять числа, вся команда в святцах не нашла»³².

В настоящей работе не затрагивается совсем отражение солдатского быта в документальных исторических источниках. Несмотря на то, что войсковые командиры отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы делопроизводственная переписка отражала бы истинные методы их эксплуататор-

ской деятельности, все же в ряде документов законодательного характера, в судебно-следственных материалах, а также в дневниках, письмах и мемуарах будущий историк солдатского быта сумеет найти достаточное количество сведений для воссоздания подлинной истории службы русского солдата в царской армии.

Среди этих и многих других разновидностей письменных исторических источников произведения солдатского творчества занимают свое, особое место. Их своеобразие заключается прежде всего в том, что они исходят от самих солдат, а не от их командиров. Это — голос трудового народа, горький стон забитого и измученного «служивого».

Источниковедческий анализ дошедшего до наших дней материала свидетельствует, во-первых, о том, что отнюдь не все то, что издателями и исследователями называлось «народным» творчеством, на самом деле принадлежало народу. Следовательно, прежде всего необходимо выделить образцы подлинно народного творчества. Историк, не владеющий методикой фольклорного анализа, не в состоянии сам определить подлинность фольклорного произведения без риска впасть в волную или невольную ошибку. Только фольклористу принадлежит в этом вопросе решающее слово.

Получив в свое распоряжение образцы подлинного народного творчества, историк должен при этом учитывать, что все они распадаются на две большие группы. В первую из них войдут произведения, тесно связанные с крестьянской фольклорной традицией; они отшлифовались в процессе длительного бытования в устах народа и приобрели вообще свойственный фольклору характер обобщенной оценки явлений и событий. Мы не найдем в подобных крестьянских солдатских песнях конкретных и точных указаний на время и место изображаемого события, но зато в них видна народная оценка события, оценка обобщенная, выраженная в совершенной художественной форме. Нельзя не вспомнить при этом необыкновенно верную, не утратившую своей ценности характеристику народных песен, данную Н. В. Гоголем. «Историк не должен искать в них показаний дня и числа битвы или точного объяснения места верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему; но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минув-

²⁹ Г. А. Гуковский. Солдатские стихи XVIII в. — «Литературное наследство», т. 9—10. Л., 1934, стр. 112—150.

³⁰ Г. А. Гуковский. Указ. статья, стр. 144.

³¹ «Жить — Родине служить», стр. 59.

³² Г. А. Гуковский. Указ. статья, стр. 127, 139.

шего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии»³³.

Вторую группу составят те вышедшие из народной среды произведения, которые связаны с новым этапом в развитии фольклорной традиции. Созданные солдатами, уже приобретшими к грамоте, эти песни связаны с той книжно-самодеятельной традицией, которая характерна для городской и рабочей народной песни. Это новый этап в развитии народного творчества, свидетель проникновения в общую сокровищницу народного творчества книги, грамотности, новых идей и образов. Такие народные произведения хранят в себе, как правило, гораздо больше конкретных деталей, позволяющих точнее определить и место, и время их создания. На первый взгляд кажется, что именно поэтому они имеют большее значение для историка как источник с гораздо более точной датировкой. Но при более глубоком рассмотрении фольклорных источников обнаруживается, что песни обеих групп могут в равной степени быть использованы историком не только как литературно-фольклорный комментарий к письменным источникам, но и как самостоятельный и своеобразный источник, характеризующий народную оценку солдатской службы и солдатского быта. Историк не вправе отбрасывать ни те, ни другие произведения, но при их использовании он, безусловно, должен принимать во внимание специфику того и другого вида исторического источника.

Солдатские песни отразили в своем содержании не только условия солдатской службы в царской армии в рассматриваемый период. Мы найдем в них народную оценку крупных военных сражений — от Полтавской битвы до обороны Севастополя; в них отразились образы великих русских полководцев; нам известны песни, посвященные военным походам, и песни об армии в целом, и т. д.

Подводя итоги наблюдения над темой военного быта в солдатской песне XVIII—первой половины XIX в., можно утверждать, что она представляет собой важный исторический источник, сохранивший до наших дней народную оценку изображаемых явлений.

³³ Н. В. Гоголь. О малороссийских песнях. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1834, № 4, стр. 17; А. В. Черепнин и И. Исторические взгляды Гоголя. — «Вопросы истории», 1964, № 1, стр. 90.